

Юрий Х. Михайлов

*«Пиши мне
куда-
нибудь...»*

Маленькие повести

Юрий Михайлов

«Пиши мне куда-нибудь...».
Маленькие повести

«Издательские решения»

Михайлов Ю.

«Пиши мне куда-нибудь...». Маленькие повести /
Ю. Михайлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831927-3

Повесть «Пиши мне куда-нибудь...» — лауреат национальной литературной премии «Писатель года». Тяжёлое детство главного героя Сергея Серова, у которого отец умер сразу после войны. В поселке, где живет их семья, много хулиганства и бандитизма. Кто каких выбирает кумиров... Для Сереги — один герой — его брат Михаил, который играет в футбол, как бог. Во дворе, набитом пацанами, как муравейник, появился первый кандидат в мастера спорта СССР. Сергей и после трагической гибели брата остаётся с его семьёй...

ISBN 978-5-44-831927-3

© Михайлов Ю.
© Издательские решения

Содержание

«Пиши мне куда-нибудь...»	6
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвертая	13
Глава пятая	16
Глава шестая	19
Глава седьмая	22
Глава восьмая	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

«Пиши мне куда-нибудь...»

Маленькие повести

Юрий Х. Михайлов

© Юрий Х. Михайлов, 2016

ISBN 978-5-4483-1927-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Пиши мне куда-нибудь...»

Глава первая

Главный инженер ГОКа (горно-обогатительного комбината) Сергей Иванович Серов вернулся в кабинет с утреннего обхода территории. Цехи и подразделения он посещал, как правило, после большой планерки, часов в двенадцать дня. На заводских улицах и переулках цвела сирень. Возле искусственного озера в несколько гектаров, служившего для сброса отработанных, но очищенных вод, важно расхаживала первая пара прилетевших на лето лебедей. Их за сезон бывало до шести-восьми пар, они успевали вырастить потомство, а осенью улетали на юг.

В приемной поздоровался с дежурным диспетчером (секретарь еще не приходила, было слишком рано). До общей планерки оставалось чуть больше часа. Сергей Иванович взял в руку тяжелую поршневую ручку, которой подписывал самые важные бумаги. Лист белой бумаги лежал перед ним. Не раздумывая ни минуты, он стал писать:

«Здравствуй, дорогой брат Миша!

Оказывается, у нас с тобой сегодня юбилей. Я отправляю тебе сотое письмо! Вот эта заветная циферка встанет в нижний правый угол конверта. На комбинате весна, у озера видел первую пару лебедей, цветет сирень. Скоро откроем футбольный сезон. Я лично проверил поле: класс! Кабы в нашем детстве были такие покрытия на футбольном поле...

На хозяйстве я опять один. Владелец не вылезает из заграницы, не пропустил ни одного мало-мальски престижного соревнования по стрельбе. А футбол он не любит, считает его уделом дебилов.

Да, футбол – игра жесткая, даже жестокая. Твоя жизнь всегда стоит передо мной как пример хорошего и плохого футбола (ты до сих пор снишься мне во сне: молодой, чубатый, со сколом на переднем зубе). Ведь никто лучше тебя не делал так красиво прорыва по правому краю, чтобы затем, в доли секунды, отправить мяч в сетку ворот! Это мог себе позволить только Лобановский. Но у тебя, Мишка, я считаю, получалось лучше.

В семье все нормально. Лиза заканчивает директорствовать в школе-интернате, переходит на воспитательскую работу. Для пенсионера это самое правильное решение.

Я уже сто раз говорил, как мне тебя не хватает. За тридцать лет супружеской жизни с Лизой я так и не освободился от мысли, что занимаю твое место. Хотя, помнишь, прощаясь навсегда, ты мне открытым текстом сказал, чтобы я взял к себе и Луизу (Лу), и Лизу... Это было так непросто сделать! Но я сделал. И мне кажется, что Лиза полюбила меня. А Лу еще в детском саду стала звать меня «папа Сережа», когда я старшеклассником прибежал забирать ее домой.

Теперь о грустном. Похоронили Витю Манко, правого защитника. Из наших ветеранов осталось три человека, и все они, конечно, моложе тебя по году рождения.

В субботу буду у тебя на могиле. Приедут Генка, Славка, может быть, Боря. Но он сломал протез, должен успеть его починить. Помянем тебя, поговорим обо всем в этой жизни, подробно расскажем тебе все последние новости.

Да, железную коробку из-под монпансье, в которой я хранил письма к тебе, пришлось заменить. Это ту, которую сто лет назад привез из крымского санатория старший брат. Письма стали вываливаться.

До субботы, братишка! Спи спокойно. Пусть земля тебе будет пухом.

Твой младший брат,

Сергея».

Сергей Иванович вложил письмо в новый конверт, написал крупно: «Серову Михаилу Ивановичу». В конце правого нижнего угла поставил: «№100». Затем убрал конверт в ящик письменного стола.

Глава вторая

В то время, сразу после смерти Вождя народов, Миша Серов еще не был кумиром двора. Кумиром был, наверное, все-таки его старший брат – летчик: ДОСААФ, аэроклуб, ВВС... Хотя, в принципе, в многоквартирном доме-муравейнике его никто и не знал толком, никто о нем ничего не мог сказать. О нем иногда вспоминал младший из братьев – Серега. Когда Мишку лупила местная шпана на мясокомбинатовской свалке (она все время горела, источая зловоние на десяток километров) за воровство обедков, Серега крутился рядом и молил бога, чтобы вдруг, откуда ни возьмись, появился их старший брат в военной форме. Он, конечно, не появлялся, но легче было уже от мысли, что он может появиться и раскидать здесь всех. На чужой свалке Мишка собирал мясные объедки (ребра, кости и лодыжки животных) для первоклассника Сереги.

Распорядок дня, особенно летом, у братьев был свободным: мать с утра до ночи на работе, сестры трудятся на ударных стройках. Они виделись во время отпусков, когда те привозили кое-какие подарки. Так отмечался вклад младших братьев в воспитание многочисленных племянников и племянниц, с которыми приходилось сидеть практически все лето. Мишка и Сергей таскали их за собой на речку, в лес, подсовывая каждому очередную баранку вместо измусоленной. И так жили практически все: большая половина тогдашних пацанов и девочек вынырнула своих сестер и братьев. Мишку с Серегой, когда они были малышами, тоже нянчили сестры.

Мишка не стал членом воровской шайки, которых было много для небольшого окраинного поселка (в их семье даже речи не велось о недозволенном поведении). Он не был и медноголовым силачом, разбивающим лбом дюймовые доски. Он до самозабвения любил футбол, играл в него, по дворовым меркам, как бог. Этого было достаточно, чтобы за Мишкой в любом споре оставалось хоть какое-то слово. На его игру приходили смотреть жители соседних домов и микрорайонов, а взрослые делали ставки на забитые голы, как на ипподроме. Однажды выигрыш (легальный) составил что-то около пятидесяти рублей. Если учесть, что пирожок с мясом стоил сорок пять копеек, а за рубль можно было сходить в настоящее кино... Какие ставки были у шпаны, мало кто знал.

Во время матча Серега, как младший брат форварда, всегда пасся у левой штанги ворот противника: сюда волей-неволей хоть несколько раз за игру прорывался Мишка. Обычно схема была простой: ему шел длинный пас от левого полузащитника, он обрабатывал сильнейший мяч и делал рывок по кромке поля. Секундная пауза, удар – и закрученный мяч влетал в сетку ворот. Первые мгновения многие даже не понимали: а мяч-то где?

Сергей, стоя рядом со штангой, видел, как троица амбалов из ремесленного училища (РУ) заманивают Мишку к воротам их команды. Тот явно увлекся, решил «пофинтить», выложить мяч как на блюдечке. Не получилось. И хотя он уже понял, что попал в ловушку, что надо срочно уходить от «коробочки», приготовленной троицей, здоровяк из РУ все-таки успел рухнуть под него, почти сбил его с ног. Стараясь удержаться в вертикальном положении, Мишка пытался рукой дотянуться до штанги. Еще бы чуть-чуть, полметра, – и он, обхватив столб и крутнувшись вокруг своей оси, ушел бы от второго удара. Не успел: удар в спину был настолько сильным, что впечатал его в столб, а Серега услышал какой-то подозрительный хруст. Наверное, ломались кости грудной клетки: Мишкино тело разрывалось от столкновения с полосатой штангой...

Из носа и рта медленно текла кровь. Волосы, испачканные пылью, кто-то успел откинуть со лба назад. Мишка даже не стонал: он лежал, съездившись в комочек. Он был без сознания. Заводской фельдшер орал на всех матерными словами, чтобы искали дверь, которую можно

снять с петель. Дверь принесли быстро: разоружили пивной ларек. Пацаны постарше переложили Мишку на доски и уже бегом помчались с ним к выходу со стадиона. У фанерного, с облупленной краской, входа-выхода стояла грязно-зеленого цвета санитарная машина, переоборудованная из военной полуторки.

Сергея ходил в железнодорожную больницу, куда быстрее всех удалось доставить Мишку, каждый день. Если его не пропускали утром, в одиннадцать, он обязательно прорывался вечером, после чая. По настроению врачей, да и самого футболиста, чувствовалось, что Мишка идет на поправку. Он скармливал Сергею все: печенье, баранки, без конца совал ему в карманы конфеты:

– Жуй, братишка, не пропадать же добру! А мне все несут и несут... Вот только с футболом и армией теперь будет плохо, – сказал он как-то буднично, не надеясь, что младший брат поймет его.

– В РУ пойдешь, ремонтником будешь... Вон они сколько заколачивают!

– Дурачок ты мой маленький! Я же инвалид... Знаешь, кто такой инвалид? Человек, не могущий работать как все... А тем более играть в футбол. Или, например, поступить в военное училище и стать летчиком.

– Плевать. Будем с тобой ездить на лошади, собирать утильсырье. Знаешь, сколько мужики зарабатывают? Я тут неделю собирал кости, чтобы купить тебе парочку крольчат, сдавал утильщику... Он мне такого порассказал! Только вот старый он уже и пьет здорово...

– Это тот, что возле базара, что ли, торгует? Без ноги и с двумя пальцами на руке? Так ему и сорока еще нет. Но он уже с войны вернулся инвалидом первой группы. А я в шестнадцать лет стал инвалидом первой группы, братишка. Чувствуешь, я к чему клоню?

Мишка не смог сдержать слез. Правда, делал вид, что он внимательно рассматривает карниз соседнего корпуса больницы, видный из окна его палаты, где свила гнездо ласточкина семья и откуда постоянно высовывались открытые клювики. Четверо соседей Мишки отвернулись от разговаривающих полупшепотом братьев: они якобы были заняты чтением старых газет...

Ходил он тихо, но сам. Больше года носил большой серый корсет, что доставляло ему, особенно в летнюю пору, огромные мучения. Сергей не понимал до конца, в чем заключается инвалидность брата. Он знал, что у него кости грудной клетки вошли в легкие, одно практически порвали полностью, что ему удалена селезенка, что больше года он проходил обвешанный трубками. Но главное, все боялись за позвоночник брата.

В учебе он безнадежно отстал, и райсобес предложил ему работу в цехе по штамповке картонных коробок. На фабрике собралась такая «примечательная» компания, что работать там брат отказался.

По случаю открытия футбольного сезона, Миша впервые пришел на стадион ГОКа. В такие трудные и непредсказуемые по исходу походы он, как правило, брал с собой младшего брата и инвалидную палку. Медленно шел по открытой заасфальтированной верхней площадке стадиона, опираясь на палку.

– Миш, ты, что ли? – уже немолодой тренер соседней заводской команды по футболу Спирин смотрел на бывшего футболиста.

– Я, дядя Валя. Вот выбрался впервые...

– Эх, мальчик, мой, что с тобой сделала житуха! Но ты не обижайся на жизнь. Все бывает. Где ты сейчас, как?

– Честно сказать – нигде. Инвалид первой группы, корсетник.

– Фигня все это! Напугали Москву лаптями. Да я сам корсет дважды носил, а теперь вот тренером полжизни вкалываю! Пойдем со мной, у меня вход на гостевую трибуну. Помнишь, как ты проходил по правому краю? Ах, хорошо, залюбуешься! Делал «сухой лист», как Лобановский, даже лучше...

Мишка оттягивал эту минуту: он боялся вот так сразу выйти за барьерчик и увидеть всю зеленую чашу стадиона. Тренер понимал его, не спешил, стоял рядом, молчал. Дух перехватило, почему-то заныло сердце. Но Мишка не подал вида. Теперь он уже не игрок, правый нападающий, а болельщик...

Потихоньку прошли на гостевую трибуну. Дядя Валя, тренер, громко сказал:

– Мишу Серова помните? Прошу любить и жаловать. Поаккуратнее с ним, он в корсете...

Потянулись десятки рук, знакомые и малознакомые люди хотели пожать руку настоящему футболисту, так рано и так по-дурацки попавшему в беду. А Спирин гнул свою линию:

– У кого сейчас есть резерв, любой, чтобы поддержать парня?

Молчание не обещало ничего хорошего. Ставки вторых тренеров в заводских командах практически отсутствовали, а если где-то и завалились одна-две, на них держали таких же неудачников-инвалидов, как и Мишка.

– Пойдешь ко мне в техникум? Я там работаю преподавателем физкультуры, – вдруг сказал немолодой мужчина с прямыми, зачесанными назад волосами, которого Михаил даже никогда не встречал. – У нас несколько групп – ребята с инвалидностью. Объясняю популярно: во-первых, будешь учиться четыре года на всем готовом. Во-вторых, будешь, типа, вторым преподавателем физкультуры. А то я просто замаялся с этими ребятками из спецгрупп. По окончании техникума получишь профессию – технолог обувного производства. Культурно и перспективно.

– Давай, Мишуня, решайся! А то сопьешься к энтовой матери, – дядя Валя-тренер тербил его не на шутку. – Ты хоть ребятам покажешь, что не все потеряно в их жизни. Что есть спорт, что можно восстановить себя, свои силы... Да, что я тебе рассказываю! Давай, Елистратов, встречайтесь завтра, забирай Мишку через собес – и с Богом... Про стипендию не забудь: он все же твоим помощником будет.

– Да у меня и полставки найдется!

– Ай да умница! Вот это молодец. Учись жизни у старших!

Михаил уехал тихо и незаметно в один из больших районных центров области. Багаж ему собрала мама, но чемоданище, набитый всякой всячиной, с собой не дала – послала железнодорожным сообщением. Мишка потом рассказывал Сереге, как он больше недели ходил в весеннюю грязюку в полуботиночках, пока ему завхоз техникума не выдал кирзовые сапоги. А багаж, отправленный поездом, все еще был в пути.

Официально Мишка стал студентом техникума, неофициально – преподавателем физкультуры, а также ответственным за шефские связи и художественную самодеятельность. Все уважительно называли его Михаилом Ивановичем. Жизнь потихоньку налаживалась.

Глава третья

По меркам того времени семья у Мишки и Сереги должна была, по определению, быть неблагополучной. Но, на удивление многих, семья у них была вполне обычная и даже дружная. Одно плохо: жили они крайне бедно. Мать получала за умершего вскоре после войны мужа мизерное пособие, поэтому она подрабатывала грузчиком на складе и уборщицей в общежитии. А там в общих туалетах и умывальниках гадили так, что даже она, деревенская женщина, привыкшая за годы служения в няньках и домработницах ко всему, не выдерживала. Вдруг после работы наотрез отказывалась от еды.

Женщины в семье – те просто героини: двух старших дочерей комсомол позвал, и они поехали осваивать северные просторы, не забывая выйти замуж, регулярно рожать детей, тем самым улучшая демографическую ситуацию в стране. Но, так как жилья на стройках, кроме засыпных шлаком барачков, не было, то их дети болели по одиннадцать месяцев в году. Мама, а для внуков уже и бабушка, забирала детей к себе, в среднюю полосу, то есть к Мишке и Сереге, на тридцатиметровую жилплощадь.

Мишкина учеба в школе держалась только на его футбольном авторитете, в пропорции девять к одному. Последняя цифра обозначала наличие знаний. Но он когда-то, мальчишкой, попал в сборную школы, потом района и наконец – в сборную области по футболу среди школьников. Выиграли юношеский чемпионат РСФСР, стали призерами Спартакиады народов СССР. По спортивному разряду – это уже звание «кандидат в мастера спорта СССР». Вот только документы, как всегда, долго оформлялись.

Но действительно, что душой кривить: лучшего нападающего под номером «семь» в его возрастной группе болельщики не знали. Мишка был бесстрашен, противник знал, что запугать его на поле нельзя. Его можно было сбить с ног, потому что он был легковат для своего возраста (война, проклятущая, виновата), но для этого надо было как минимум догнать его. А бежал он – как ветер: голова запрокинута, ладошки, словно ножи, ходят по бокам туловища, ноги частят так, что временами рябит в глазах. Его крученный мяч, пробитый по воротам сходу, почти без остановки, изучали на тренировках... Ну разве можно такого ученика мучить двойками на уроках?

Серега, на удивление, учился легко, был честолюбив, любил получать хорошие отметки. Он зубрил стихи, параграфы по русскому, до последнего примера или задачки решал математику, физику. Доказательством теоремы «бином Ньютона», которого он боялся и который, конечно же, досталась ему на школьных выпускных экзаменах, он изрисовал две классные доски. Учителя даже не стали до конца проверять написанное: комиссия с чувством глубокого удовлетворения поставила ему заслуженную пятерку.

А если бы копнули, задали вопросик по теме? «Не копнут и не зададут, – был абсолютно уверен Сергей. – Потому что я – пахарь! И по-другому в этой жизни мне нельзя...» Много раз говорил ему так и Мишка, доучившийся лишь до восьмого класса, но и впоследствии постоянно приглядывавший за младшим братом.

С отъездом Михаила в техникум когда-то большая семья Серовых распалась окончательно (летчик всегда появлялся неожиданно, на день-два, не больше). Серега и мама остались вдвоем. Своего любимца Мишку они видели только в дни длинных праздников и на каникулах. Правда, одна зацепочка оставалась – худенькая длинноногая блондинка Лиза. Она жила в этом же доме с мамой и бабушкой, ходила в ту же школу, в которой продолжал учебу Сергей. То, что с Мишкой они дружили («ходили»), – это знала даже детвора. Но как сложились их отношения после отъезда брата на учебу, кроме них никто не знал.

Семья у Лизы была необычной для тех времен: и мама, и бабушка – глубоко верующие люди. Про отца Лизы никто ничего не знал – сгинул на войне. Особенно мрачно выглядела

бабушка. Она ходила, как монахиня, во всем черном, хотя в монастыре не состояла. Дружбу Лизы с Мишкой они не поощряли, но девочка училась в современной школе и демонстративно выкручивать ей руки они не хотели.

Она, неизвестно почему, с симпатией относилась к Мишке, немного неотесанному, малограмотному и в то же время абсолютно доброму, застенчиво-обаятельному парню. Но уж точно не за его футбольные заслуги. В футболе Лиза разбиралась как раз меньше всего. А тут еще этот трагический случай, произошедший с ним... Лиза видела, как на глазах меняется лучший футболист школы и двора, переживший страшную трагедию. Он перестал учиться, пытался работать почтальоном, ночным сторожем... Видимо, что-то не складывалось в его жизни.

Заново их передружила сестра Михаила – заводная Катька, которая приехала со своей ударной стройки отдыхать к маме на целое лето. Девушка начитанная, но несколько прямолинейная, не разделяющая полутонов, она была ненамного старше Лизы. Они дружили еще со школы, хотя учились в разных классах. Но это ничуть не мешало им вместе ходить в школу и обратно домой.

В честь приезда в отпуск Катя устроила вечеринку, позвала Лизу, других девочек из школы. И Лиза целый вечер танцевала с бывшим футболистом. Она знала, что он инвалид, что у него плохо с легкими. Но она не знала, что ему изуродовали еще и позвоночник. Об этом толком никто не знал, кроме мамы. Только ей бывший футболист рассказал обо всех своих болячках.

«Конечно, никакой любви здесь нет, – думала Лиза. – Да и с чего ей взяться-то? Мы совершенно разные люди... Наверное, я побуду с ним, хотя бы временно, на первых порах, поддержу его заботой и вниманием».

Так несколько напыщенно, по-книжному, размышляла Лиза, готовя разговор с мамой, и особенно с бабушкой, агрессивно настроенными против «чертова хулигана», которого Господь наказал за грехи его.

На самом деле ей действительно хотелось поддержать бывшего спортсмена. Поэтому они стали видаться почти каждый вечер, если у Лизы не выпадала ночная смена на молокозаводе, куда она только что устроилась учетчиком. В институт можно было попасть, только имея трудовой стаж.

Но кто бы мог подумать, что за нее, взрослого человека, так серьезно возьмутся родители? В семье все обернулось страшным скандалом. Лизе пришлось напоминать родителям и о милосердии, и о поддержке ближнего.

– Не кончится добром дело, помяни мое слово, девочка моя! – говорила со слезами на глазах бабушка. – Я-то знаю, что говорю. Пить будет, привыкнет к тебе, начнет куролесить... И все под маркой своей несчастной болезни. Но если Господь так решил...

– Бабушка, милая, да ничего я не решила! Я знаю только одно: что мы настолько разные люди, что нам кроме как о жизни во дворе, школе и футболе не о чем и поговорить! Но именно сейчас, когда у него никого нет, когда даже его Катька возвращается на стройку, а Сережка совсем еще мальчик, я нужна ему как никто. И я ведь тоже не принцесса голубых кровей: на заводе тружусь. Такого понаслушаешься за смену, что уши вянут. Ну и пусть он поухаживает за мной... Это, в конце концов, приятно!

– Дурочка ты моя! Не успеешь оглянуться – дети пойдут, – это уже мать сказала в конце разговора.

Как в воду глядела. Никто ни о чем и не думал, и не предполагал, а он, ребенок-то, взял и зашевелился в глубинах Лизиного тела. А Лиза рада была, видя счастливого Михаила, его нежный взгляд. Нет, теперь уже на них, на двоих, он так смотрел. Что ж, решили, институт подождет. Стали ускоренными темпами готовиться к свадьбе. А у жениха – госэкзамены в техникуме, да плюс ему сдают экзамен по «физре» его подопечные.

Глава четвертая

В итоге Михаил получил диплом с одной четверкой – по сочинению: подвела грамотность. И его «ключечники» из спецгрупп (от слова «ключка», инвалидная палка), как их в шутку называли преподаватели, тоже хорошо сдали экзамены, в том числе и по «физре». Комиссия должна была заседать в среду. А на понедельник директор техникума пригласил Михаила к себе в кабинет. В приемной уже был преподаватель физкультуры Геннадий Павлович Елистратов (все его звали Елистратыч), который порекомендовал Михаила на работу четыре года назад. Выпускник понял, что физрук что-то темнит. Он прижал коллегу в углу, и тот признался, что рекомендовал его стопроцентным преподавателем физкультуры в группах спецконтингента. Уже с полной нагрузкой.

Но директор позвал в кабинет одного Михаила. Поздоровались, он узнал о здоровье выпускника, о семейных делах, о жилищных проблемах. И вдруг без перехода начал о делах:

– Миш, физрук настаивает, чтобы я закрепил за тобой все группы, которые идут через наборы социального обеспечения. Я, в принципе, согласен. Вижу, что у тебя с ребятами хорошо получается и по учебе, и по жизни... Но сказать я сейчас хочу о другом.

Директор по селектору попросил у секретаря в приемной чаю и продолжил разговор:

– Нам нужен руководитель практики на головной обувной фабрике в областном центре. Ты родом оттуда, город знаешь, а город помнит своего кандидата в мастера спорта СССР. Начальство фабрики, особенно главный технолог Антипова, о тебе отзываются только положительно. Это, дорогой мой, крайне важно для будущего наших воспитанников. Мы же в основном технологов готовим.

Опять помолчали. Чаю не несли. Директор начал говорить, явно смутившись:

– Я знаю, что ты готовишься к свадьбе, что уже ждешь ребенка. Вот это для меня, может быть, даже важнее, чем все остальное. Ты серьезный и взрослый человек! Ты знаешь, мы даже поможем тебе с жильем: у нас в городе при фабричном общежитии есть отдельная двухкомнатная квартира. Это для того, чтобы практика студентов проходила более успешно. Зарплата у завпрактикой большая, почти как у замдиректора техникума. Но это и правильно. Практика студентов – это ого-го! А главное – мы тебе доверяем, уверены, что ты справишься, через год-другой все отладишь по высшему разряду.

Белокурая девушка, которую все звали просто Лера, принесла поднос с заварным чайником, печенье и чашки. Их было три.

Директор сказал:

– Ну, зови уж и Геннадия Павловича! Вот расстроится человек...

Пока секретарь директора выходила из кабинета, пока физрук несколько минут почему-то не заходил, медлил, Михаил успел спросить директора:

– Это будет служебная квартира?

– Да, к сожалению, на время твоей работы завпрактикой. Но ты парень молодой, у тебя все впереди, все получится. Учиться пойдешь на вечерний факультет в институт. Без экзаменов, кстати...

В это время в кабинет вошел Геннадий Павлович. То ли он услышал в дверях конец разговора, то ли узнал о намерении директора из секретных источников, но сразу включился в разговор:

– Бесспорно, если вы решите вопрос по жилью, то я свое предложение, товарищ директор, снимаю.

– Вот и отлично! Я знал, что вы патриот техникума и что вас не придется уламывать. Ну-с, а вы-то, молодой человек, что молчите? Опешил, не ожидал?

– Конечно, не ожидал... Думал, что пойду на фабрику в отдел главного технолога, к Светлане Валерьевне Антиповой, что будем с женой жить у мамы и ждать рождения ребенка...

– Если я правильно понял, то наше предложение ты не отвергаешь, так, Михаил Иванович? Только береги здоровье! Никакого футбола и экстремальных видов спорта! Хватит с тебя и одного раза. Да, чтобы не забыть... Миш, ты оставь нам на память свой значок «Кандидат в мастера спорта СССР». Мы на стенде его разместим, с твоей фотографией, а?

Физрук закивал в знак полного одобрения слов директора, сказал:

– Ты не представляешь, какую это силу будет иметь для ребят! Ведь ты же помнишь, что больше половины наших студентов приходят к нам по направлению комиссий собесов, с инвалидными палками, еле ходят... А тут – свой мастер спорта: и учился, и преподавал у нас.

– Хорошо, – сказал Михаил. – Вы меня отпустите на пару деньков домой? Надо хоть формально с будущей женой да и с мамой все это обговорить.

– Это вообще не проблема! – сказал директор. – Кстати, завтра я еду на совещание в облцентр, беру тебя с собой на «Волгу». Обратно сам доберешься поездом.

Михаил видел, как был доволен состоявшимся разговором директор, как искренне радовался за коллегу физрук.

– Надо же, сразу на ставку завпрактикой! С деньгами и полномочиями, да еще и с двухкомнатной квартирой! – говорил Елистратыч, обняв Михаила за плечо, когда они шли по коридору к себе в физкультурный закуток. – Ты пока помалкивай, никому ни слова... Завистников – тьма! Немало наших преподавателей побежали бы сейчас в облцентр, чтобы только отхватить там и жилье, и статус, и приличные деньги. Но ты, искренне говорю, заслужил! Хотя мне и в сыновья годишься, и проработал у нас лишь четыре года. Но это нормально. Это неважно... Ты футболист настоящий, от бога!

– Да ладно, дядь Ген! – все еще смущался разговор Михаил. – Тебя, вон, арканом не вытащишь отсюда: свой домина, сад-огород, река-красавица, до облцентра – четыре часа на поезде. Скоро купишь машину, будешь ко мне в гости приезжать... Три часа – и ты у меня!

Коллеги по работе помалкивали. Но по отдельным взглядам, жестам было понятно, что многие уже знают о предложении, которое сделал директор техникума Михаилу. И тем не менее табу на молчание никто не нарушал.

Дома кроме Сереги, естественно, никого не было. Он пришел из школы, успел съесть огромную тарелку горохового супа, картофельное пюре с солеными огурцами (мясное по будням в доме было редкостью) и собирался садиться за уроки. Но, увидев входящего в дверь Мишку, бросился на него. Не пробежав до брата метра, встал как вкопанный: видимо, сработал многолетний инстинкт – корсет, позвоночник... И все равно: он подsunул руки брату подмышки и стал кружить его по квартире. Мишка крепко держался за вымахавшего в нынешнем году брата, говорил смеясь:

– Господи, какой ты большой вырос! А шевелюра – точно как у меня! Учителя, небось, грозятся ножницами состричь ее прямо в классе? Мы это проходили... Поесть дашь мне что-нибудь?

– Мой руки, я сейчас супчику подогрею, остыл малость... А огурцы, ты помнишь? Язык проглотишь... Как я рад тебя видеть, братишка! Ты надолго? А когда навсегда? А когда вы с Лизкой переедете к нам насовсем?

– Все, думаю, свершится скоро – в этом месяце.

– Как здорово! Будем опять все вместе!

– Сережка, дорогой мой! Как я соскучился по тебе, по маме, по Лизе! Вечером, когда соберемся все вместе, я сообщу одну очень важную новость.

– То, что у вас будет скромная свадьба, это я и без тебя знаю – слышал, как Лиза шепталась с мамой. А ты знаешь, что ее мать с бабушкой против этого? Говорят: «Мы для единственного ребенка ничего не пожалеем!» – и что у них только приданого на тысячи рублей. А еще

они против того, чтобы вы жили с нами: мол, Серега, то есть я, шалолай, он может навредить будущему ребенку... Ха-ха-ха! А помнишь, как мы нянчились с Катькиными и Дашкиными пацанами? По целому лету они были с нами!

Серега говорил эти слова громко. Он ушел за перегородку, за которой мама обустроила что-то вроде маленькой кухоньки с электроплиткой, чтобы каждый раз не бегать на общую коммунальную кухню. За таким же импровизированным умывальником Миша умывался, раздевшись по пояс. Все делал точно, выверено, экономно, ни капли воды на полу. Или иди в коммунальный умывальник, если хочешь поплескаться.

Поев супу, похвалив мамины соленые огурцы, а также солидно выпросив у Сереги о последних новостях, старший брат засобирился к Лизе.

– Мама сегодня придет пораньше, – объявил Сергей, – в пять часов. Не надо мыть общагу, у них там какой-то вечер танцев, что ли...

Усадив возбужденного и никак не могущего успокоиться младшего брата за уроки, Михаил ушел, пообещав вернуться к приходу мамы.

Сергей пробовал начать с трудного – с физики. Задачи не получались, голова просто перестала соображать. Еще бы: брат приехал! Тот успел все же шепнуть ему, что будет жить в городе, может быть, даже в своей квартире, и что работу ему дали на обувной фабрике... Вот это новость! Но – молчок: просил до поры никому не болтать. Сам всем все расскажет, когда мама придет.

Потом математика все же покорила Сергея. С русским, на удивление, он справился быстро, хорошо слушал на уроке объяснение учительницы. И все посматривал на будильник, который поставил с комода на круглый стол, за которым они и обедали, и уроки делали с братом. До маминого прихода оставалось что-то около часа времени.

Глава пятая

Самое смешное в этой истории: Серега не попал к брату на свадьбу. Это было в июне, только закончился учебный год в школе. Его, как опытного туриста, включили в делегацию школьников области для участия во Всесоюзном слете юных пионеров, который проходил на родине Ленина, в городе Ульяновске. Кроме представительских функций (построение, прохождение строем, сдача рапортов и тому подобных), которые повесили на Сергея, он стал капитаном туристской команды. Это серьезное дело. И хотя главное, что он должен был сделать, – по топографической карте вывести команду на исходный рубеж, в эстафете он тоже участвовал наравне со всеми: и лагерь разбивал, и палатку ставил, и костер разводил, и полосу препятствий преодолевал. Короче, неделя пронеслась в таких нагрузках, что он в субботу едва вспомнил о свадьбе брата.

Отпросился у старшей пионервожатой на два часа и помчался в город на почту. Все парадные мероприятия проходили на центральной площади города и в Ленинском мемориале, небывалом по красоте сооружении. Но жили команды на другом берегу Волги в специально пришвартованных к берегу дебаркадерах. Красота неопишуемая! Даже рыбу ловили вместе с местными ребятами, закрепленными в порядке шефства за приезжими отрядами пионеров.

Почему-то долго искал почту, пришлось выстоять длинную очередь всего в одно работающее окно. Оператор обещала положить текст на яркие красивые розы. А текст получился совсем простой: «Поздравляю днем свадьбы! Будьте счастливы и здоровы! Ваш Серега».

Потом, уже не спеша, ехал на автобусе, шел по берегу Волги пешком, наконец добрался до своего дебаркадера. До ужина оставалось с полчаса, и ребята расселись на пяти-шести лодках, привязанных к специальным кольцам, накрепко вбитым в берег. Пели песни в основном девчонки. Мальчишки обсуждали ширину реки и хватит ли у кого сил переплыть ее хотя бы в одну сторону. Надо сказать, что Волга в этом районе была шириной не меньше двух километров. Сергей плавал плоховато, поэтому в дискуссии не участвовал.

Но из разговора он понял, что трое-четверо ребят схлестнулись не на шутку: даже стали договариваться о подъеме в пять часов утра, чтобы никто не помешал им осуществить заплыв. Серега не любил хвастунов – людей, теряющих в порыве бахвальства рассудок. Он прямо сказал, что все это – чушь собачья, что волны здесь бывают по метру-полтора высотой. Но и это не главное. Главное, что каждые двадцать-тридцать минут в обе стороны реки обязательно проходят скоростные суда на подводных крыльях – «кометы» или «ракеты».

– Вот это посерьезнее волн будет! – сказал он спорящим. – Башку срубит в пять секунд!

Не захотели понять его пацаны, чуть ли не в трусости обвинили. Подъем наутро никто не стал отменять. Тогда Сергей сказал:

– Вы можете кем угодно меня считать, но утром, если я увижу вас на реке, обязательно сообщу в службу спасения!

Ночью Сергею пытались устроить «темную»: накрыли его прямо в кровати двумя одеялами и начали лупить кулаками. Но он-то был уже реально на год, а то и на два старше нападающих. Так что «темной» не получилось. А вот кое-кто фингалы получил под глаз – это у Сергея с детства хорошо получалось. Началось разбирательство. Старшая вожатая, рыжая Миля Гриб, придралась к Сергею с одним глупым вопросом:

– Ты за что избил столько ребят? Признавайся!

Сергей молчал, думал, что и эти «юные пионеры» проявят мужской характер, промолчат. Так нет же: они все четверо объединились и сказали, что это Сергей подбивал их переплыть Волгу, а они пытались отговорить его, за что и получили по физиономии.

Хорошо, что в разбирательство включилась девчонка, которая сидела на соседней лодке и слышала весь их разговор. Ее звали Наташей, она была в свои четырнадцать лет кандидатом

в мастера спорта СССР по спортивной гимнастике, выступала на слете с показательной программой.

Наташа сказала:

– Как эти слизняки попадают на подобные мероприятия? Они наутро хотели заплыв устроить, а этот мальчик вразумлял их, чтобы они не лезли в воду, не зная броду. Самое омерзительное, что они никуда бы не поплыли, умерли бы со страху...

Сергея зауважал Наташу, позже пожал ей руку и предложил дружбу. Ему особенно понравились те слова, которые она сказала в самом конце своей речи. Когда от него все отстали, он и Наташа два последних вечера перед отъездом вместо танцев до самого отбоя гуляли по берегу Волги. Она казалась Сергею такой маленькой и хрупкой на вид, а на самом деле оказалась такой сильной и упорной девчонкой. Они обменялись адресами и обещали дружить по-настоящему.

Вернулся Серега со слета, когда Михаил и Лиза уже обустроивали новую квартиру. Как же она была хороша по сравнению с их коммунальными комнатухами! Мама не переставала плакать от счастья. Да и Лиза выглядела счастливой. Во-первых, жилье почти в центре города – не валяется. А во-вторых, ей не надо было больше обсуждать с родителями проблему, где жить молодой семье.

Каникулы пролетели быстро. Пришлось-таки Сергею понынчиться со слабеньким племянником, приехавшим с севера. Почти весь июль он водил его на смородиновое поле, кормил черными сочными ягодами. А потом и лесная малина подспела. Обьедались так, что дома просто не хотелось есть. Ожил тезка (мальша тоже звали Сережа), стал круглым, словно налившимся живительными соками.

– Ах, мама, спасибо! Даже не знаю, как и благодарить тебя за Сережу, увядал ведь мальчишка...

– Ты не меня благодари. Ты, вон, Сергею говори спасибо. Это он выходил твоего доходагу, больше месяца нянчился с ним... А я ведь работала даже по субботам и воскресеньям.

– Я пришлю Сергею новый костюм! Он ведь такой большой у нас, скоро в комсомол будет вступать...

– Даш, помолчи! – сказала в сердцах мама. – Ты уже дважды обещала эти костюмы прислать.

Видимо, назло маме в начале сентября прибыла с оказией посылка. Какой-то мужчина, знакомый сестры, принес домой сверток, даже не захотел раздеваться, так спешил на самолет. В пакете лежал прекрасный финский костюм, настоящий, шерстяной. Но почему-то он был спортивный и зеленого цвета. Серега этого так и не понял. А мама не захотела тратить слов, чтобы объяснить сыну, какая безалаберная (это тебе не Катерина!) у него старшая сестра.

Холодная осень, почти зима, пришла в этом году ранняя, загнала ребят за парты по-настоящему и сразу, даже не дав им понежиться бабьим летом, поздними грибами, кострами и рыбалкой. Серега твердо знал одно: в этом учебном году ему сдавать экзамены за восьмой класс – и можно бежать в техникум или ПТУ (ПУ переименовали). Он несколько раз приходил в школу олимпийского резерва, где тренировалась Наталья, видел ее на снарядах и то, как она смущается Сергея, когда на нее орет тренер. Домой он провожал ее никакую, в трамвае она натурально спала. А надо было еще сделать домашние задания к урокам, а утром – в школу. Как мог, он помогал ей. Но потом у гимнастов объявили всесоюзные сборы, она уехала в Сочи, так и не сказав на прощанье, когда вернется.

В конце года Лиза родила дочку. Она попросила у всех родственников согласия на то, чтобы назвать ее Луиза. Почему она выбрала такое имя, Серега не понял, тем более что ему не очень нравились заграничные имена. Он помнил историю своего школьного товарища Юрки Ломтева. Родился тот в сорок пятом году, после отпуска отца во время войны. Мать с сестрами, культурные и грамотные люди, называли мальчика Рудольфом. А отец приехал с войны весь израненный, контуженный и даже не захотел слышать о таком имени.

– Вот придумали! – кричал он. – Еще бы Адольфом назвали!

И стал звать сына Юрием. Документы менять не захотели, закрутились после войны. Но потом, в школе, все, даже учителя, так и звали Ломтева Юрой. И только при вручении почетной грамоты РОНО за успехи в спорте директор школы вдруг пригласил к трибуне не Юрия, а Рудольфа Ломтева. Вот какие казусы случаются в жизни!

Михаил буквально трясся над своей Луизой, Сереге несколько раз говорил: «Руки мыл?» – или: «Погрей руки, после мороза пришел...» Это несколько обижало Сергея, но, честно говоря, он не очень любил «ползунков», поэтому не больно-то и лез к своей племяннице. «Наше время еще придет, – думал Серега. – Вот когда Лу (он почему-то стал так сокращенно называть Луизу) подрастет, мы будем ходить с ней в лес по ягоды, купаться в нашей речушке, где комару по колено, кататься на моем велосипеде».

Серега был уверен, что по окончании восьмого класса он обязательно купит себе велосипед, новенькую модель ГАЗа. Деньги уже стали поступать в специальную копилку, железную коробку, в которой их старший брат привез конфеты – монпансье... Правда, там было пока немного, всего пять рублей из сорока семи, необходимых для покупки велосипеда. «Но и Москва не сразу строилась, – знал такую поговорку Сергей. – Брат поможет, мама чуток подбросит. Утильщик еще не закончил свою историю со сбором вторсырья, до сих пор работает. Насобираю ему костей, старой одежды, алюминиевой проволоки...»

От этих мыслей настроение у Сереги улучшалось. А это означало, что он легче решал задачки по всем главным предметам: математике, физике, геометрии, прямо на уроке умудрялся запоминать правила по русскому языку. Учеба, в принципе, шла своим чередом, нормально.

Глава шестая

Сергей чувствовал, что в школу он опаздывает. Долго искал куда-то пропавшие ключи от входной двери. Забыл снять теплые ватные брюки, в которых катался на замерзшем пруду, поэтому пришлось переодеваться, возвращаясь, как говорится, с порога. Он механически засунул оставленную мамой на школьный буфет мелочь в карман короткого, как куртка, но настоящего зимнего полупальто и, заперев дверь, помчался в школу. Решил сэкономить на дороге: побежал по тропинке, которую проложили нетерпеливые пешеходы между двух заборов, отделяющих друг от друга строящиеся кирпичные дома.

Фанеру он узнал сразу, как только подбежал к концу тропинки. Тот был не один, рядом с ним, облокотившись на забор, стоял Геша – маленький тщедушный карлик, чье желтое сморщенное лицо выдавало его нешуточный возраст – лет под тридцать. Фанера жил в частном доме в их микрорайоне, школу бросил года два назад, так и не осилив пятый класс. Остаться на третий год в нормальной школе было просто неудобно, и поэтому какая-то комиссия перевела его без шума и пыли во вспомогательную школу. Но он и эту школу благополучно бросил.

Сергея слышал, что он воровал, чистил карманы подвыпивших мужичков, подгулявших после получки на заводе. Те несколько раз собирались группой и жестоко били Фанеру, но деньги уже уходили через Гешу к более старшим друзьям воровской компании. С ними рабочие не хотели связываться, а может быть, просто побаивались блатных и тех, кто отсидел различные сроки в колониях.

Первое, что сделал Фанера, ловким движением руки вытащил из кармана Серегиного пальто всю мамину мелочь. Заржал:

– Такой дылда – и только мелочишку носит! Хи-хи-хиии! Сейчас обос... от смеха! Глянь, Геша, на нищего... Он сейчас перед нами на колени встанет, чтобы вернули ему мелочишку...

– Где твой брат футболист? – не отрываясь от забора, спросил маленький старичок.

Сергей молчал. Он думал, что, если бы Фанера был один, он бы скоростью взял его: два-три сильнейших удара по морде – и бегом к школе. Но справа путь преграждает еще и Геша, выдвинувшись на пару шагов вперед.

Решил потянуть время:

– Брат работает на обувной фабрике.

– Бросил футбол... А ты знаешь, что он должен мне червонец? И не отдал до сих пор. Давай, помогай брату, гони сколько у тебя есть!

– У меня была только мелочь на школьный обед, – почему-то жалобным голосом сказал Сергей и устыдился своего поведения.

– А мне гони рупь за свой ср... портфель! – это уже выступил Фанера. – А то я порву его в клочья! Дай его сюда...

– Нет у меня больше денег!

– Хорошо, будешь должен мне... пять рублей, чтобы выкупить свой портфель, – это уже вмешался Геша. – Будешь отдавать по рублю каждый день, или в выходной сразу пятерку отдашь?

Сергей поднял портфель на уровень вытянутой руки и пошел к Геше, стоявшему, как кость в горле, на выходе из двух заборов. Фанера даже руку протянул, видимо, хотел перехватить портфель, но все-таки в последний момент отдернул ее: старших надо уважать. А Серега, собрав все свои силы в свободный от портфеля второй кулак, так врезал снизу в подбородок Геше, что тот сполз по забору, как размякший комок грязи.

Была одна мысль: «Бежать!» Но Серега не смог сдвинуться с места: он еще раз внимательно посмотрел на маленький кулёк, в который превратился старичок у забора, и пошел на Фанеру. Столько ярости было во всей его фигуре, что Фанера не выдержал, сначала попя-

тился, потом споткнулся на снегу и упал. Он верещал, как недорезанный в темном хлеве поросянок:

– Ответишь, су... , за все ответишь! Не тронь мя! Только тронь... Тя урки прирежут за мя!

В это время Сергей почувствовал какой-то укол в правую ягодицу. Он машинально повернулся и увидел, что Геша собирается второй раз ткнуть его ножом, зажатым в маленькой желтой руке. Но метил он уже под полу короткого пальто, прямо в живот. Серега втянул живот, почти согнулся в три погибели, и лишь когда понял, что финка прошла мимо, выпрямился как пружина и двинул карлика ногой в пах. Тот взвыл и, скуля, пополз по забору. Вот тогда Сергей осознал, что надо бежать или его убьют.

В школьной уборной он снял штаны и увидел, что на маленькой ранке на правой ягодице запеклась кровь. Платок был, но, конечно, грязный. Что делать? Несколько раз простирнул платок в воде из-под крана, отжал его и осторожно приложил к ранке. В это время в туалет зашел Юрка-Рудольф, посмотрел удивленными глазами на друга и сказал:

– Чой-то ты жо... -то оголил?

– Юрка, влип я по первое число. Меня Геша с Фанерой хотели зарезать. И все из-за какой-то паршивой мелочи...

Сергей, держа платок на ранке, коротко рассказал Юрке о своих приключениях.

– Да, теперь они будут за тобой охотиться. Хорошо, что эту четверть мы учимся во вторую смену, народу на улице больше бывает. Ножи – дело серьезное...

– Что ты запрочитал? – обиделся Серега. – Нет бы придумать что-нибудь! Рассуждать и я умею... Брату расскажу, он им устроит забеги наперегонки!

– Да они уже сегодня будут тебя поджидать у школы. Ты чо, не врубаешься, што ли? Надо ребят поднимать... Или в милицию заявлять.

– Вот нам только милиции и не хватало – в выпускном классе! Давай с ребятами поговорим. Про нож ни слова. Просто скажем, что Фанера хотел отобрать у меня деньги, а я дал ему по морде и убежал. Про Гешу придется молчать. Ну, а если все же спросят ребята, скажу, что ходит с ним один тип, какой-то карлик-старичок...

На счастье Сереги, все пацаны в классе считали Фанеру дебилом, его никто не боялся и не любил. Из школы выходили ватагой человек в десять. Старшим-заводилой был Леня Корнилов, перворазрядник по боксу. Он демонстративно делал мощные удары справа и слева, потом сразу три-четыре удара по воздуху перед собой. Здорово у него получалось, красиво. Все были так накручены, что буквально перерыли школьный двор, но Фанеры не было. И только Сергей сразу, как вышел на крыльцо, заметил, как от дальнего угла школьного двора к дыре в заборе прошмыгнули две фигурки: первым шел Геша, Фанера – за ним.

Домой Сергея провожали тоже не меньше пяти человек. Орали песни. Почему? Никто не мог этого объяснить. Наверное, таким образом, снимали стресс. Пели о Щорсе, «Там, вдали, за рекой...» – в общем, воинственные это были песни. Прощаясь, Леня Корнилов сказал:

– Я завтра за тобой зайду, жди меня! Этот гов... к так просто от тебя не отстанет. Он еще кодлу соберет. В общем, им надо дать бой или так напугать их, чтобы они в штаны нахезали... – и заржал, довольный собой и своей шуткой.

Маме Сергей сказал, что на уроке физкультуры напоролся на гвоздь. Та поверила, промыла ранку водкой, залила зеленкой и наложила прищепку.

Поздно вечером забежал Михаил, чтобы забрать пленки, которые мама пошила из самого красивого и дешевого ситца. Мама рассказала о ранке на ягодице Сергея с назидательными выводами о том, что значит бездумно ко всему в жизни относиться. А если бы глазом напоролся, не дай Господи?

Мишка отозвал брата за перегородку, спросил в лоб:

– Подрался, что ли? С кем, за что? И почему рана на ягодице – ножом махали, что ли?

Сергей сначала нехотя, потом все азартнее, стал рассказывать о Фанере и ноже Геши.

– Это не есть хорошо... Так и сказал, что я ему должок не отдал, аж целый червонец? Ты, вот что, ни во что не вмешивайся! Это слишком серьезным может быть делом. Геша – вор, сидел в тюрьме, а ты его ногой под яйца... Я сам постараюсь все уладить.

– Завтра ко мне придет Леня Корнилов, перворазрядник по боксу, между прочим, мой товарищ. Мы им устроим красивую жизнь! – расхвастался Сергей.

– А что, если не придет – заболит, тренер заберет его срочно на соревнование? Да мало ли что может произойти! Давай так договоримся. Я отпрошусь на работе в обеденный перерыв, в час дня буду дома. Подождем твоего Леню, а там решим, что делать. Согласен, а?

Сергея закивал, подошел к брату и крепко обнял его. Он опять забыл про его позвоночник.

Глава седьмая

Они шли втроем: Серега, его брат Миша и Леня Корнилов. Улица была обычной, с проезжей частью и тротуарами по обеим сторонам дороги, ведущей к школе. Они не пошли по дорожке между заборами: это выглядело бы как вызов кому-то. Здесь же в конце концов и произошла та злополучная стычка с Гешей. В середине пути, у заброшенного и почти развалившегося, но когда-то большого и красивого дома, стояло человек семь-восемь взрослых парней. Знакомыми среди них были только Геша и Фанера. Поравнялись с домом. Отступить было некуда, да и поздно было об этом думать. Михаил успел сказать Лене, чтобы тот пока только держал все под контролем. А он сам попробует переговорить с двумя самыми взрослыми парнями.

– Миха, ты живой? Тебя разве не уделали наши ребята у футбольных ворот? – как-то даже радостно заговорил один из взрослых парней. – А я вот только с зоны... Весело провел пятерик. Слушай, а давай опять, как раньше: улица на улицу, сыграем в футбол?

– Я уже не играю, – сказал Михаил, – была серьезная травма. Еле выкарабкался...

– Так это тебя, значит, сучонка, не добились тогда? Лобановский, хё-хё-хёёёх, падлю... – вмешался в разговор еще один парень, с золотой фиксой во рту.

– В футбол надо играть по-честному, – сказал как бы всем присутствующим Михаил. – Даже если кто-то и делал какие-то ставки...

– Да мы на той игре кучу бабок потеряли! Тебя же просил Ризван: уймись! Делай красивые финты, приходи до ворот и отдыхай. А ты? Ладно, много времени прошло. Забыли. Но ты ведь и брата таким же козлом упертым растишь. Старших по яйцам бьет... А, Геша, ты как, отошел?

– Дай, я его порежу! – завопил Геша.

– Успеешь. С каждого дела надо брать максимум навару, – сказал старший, начавший этот разговор.

Михаил подошел к нему почти вплотную, тихо сказал:

– Это – дети, им надо в школу. Пусть топают пионеры... О наваре будем со мной говорить. Идёт?

И без перехода, развернувшись вполборота, твердым голосом сказал:

– Леня, Сережа, марш на уроки! Пошли, пошли! Опоздаете – снова родителей будут вызывать в школу...

Ребята опешили. Первым сделал шаг Леня, постоял минуту, как бы раздумывая, идти или остаться, и, развернувшись вокруг своей оси, пошел к школе. Серега стоял и мотал головой из стороны в сторону. Он не мог бросить брата. Он готов был встать рядом с ним и биться до конца.

– Сережа, ты мне мешаешь, – холодно сказал брат. – Иди, ничего не бойся! Иди в школу. Здесь с малолетками не воюют...

Сергей сорвал с головы шапку, зажал ее зубами, чтобы не закричать, и тихо побрел к концу забора. Он не мог идти дальше: на углу забора он сполз по его шершавым доскам в глубокий снег, затих, перестал дышать. Услышал обрывки разговора:

– Я потерял тогда два куска... Они за тобой, Миха! – это говорил старший банды.

– Мне твой сучонок нанес вред! – это детский фальцет Гешы. – Я его хотел уделать – и уделаю, если кусок не выложишь!

– Меня он уронил! – это пропищал Фанера.

– Заткнись! Двое мудаков не смогли с пацаном справиться! Козлы вы, а не урки... – старший страшно выматерился и замолчал.

Потом снова заговорил:

– Но ущерб твой брат нанес. Это ему не должно сойти с рук. Вину его откупишь ты, Миха, еще на одну штуку.

– Сильвер, я только начал работать, женился... Мне не достать три тысячи. Это же равноценно машине!

– Вот и купи нам машину, хё-хё-хё-хёёёх! – заржал фиксатый.

– Я куплю машину! Я такую машину куплю, что у всех жо... будет от езды красная! – брат почти кричал, выговаривая только отдельные слова и не складывая их в предложения. – А ну, пошли отсюда, шавки поганые! Всех перешмаляю, только притроньтесь к брату или к моей семье! По одному каждого выслежу и прикончу, как бешеную собаку... Пошли вон! Пошли!

Сергея едва смог выбраться из глубокого сугроба, дополз до угла забора и высунулся из-за него. Увидел стоящего, словно разъяренный волк, брата с наганом в руке. От него в разные стороны расходились люди, которые только что унижали его и были готовы порезать на куски.

«Он победил их! – подумал Серега, и его сердце наполнялось счастьем. – Он сильнее всякой шпаны!»

– Ура-а-а! – донеслось с середины улицы, ведущей к школе.

Сергея повернул голову и увидел ватагу пацанов во главе с Леней Корниловым. Они неслись во весь дух на выручку Михаилу. Толпа мальчишек – кто с палками, кто с кольями, выдернутыми из заборов, в руках – настолько быстро приближалась, что урки, делавшие вид, что они всего лишь прогуливаются, вдруг, как по команде, бросились врассыпную. Фанера несся первым, от крика его лицо перекошилось, словно у паралитика. Карлик Геша был настолько мал, что сам понимал, что сейчас попадет под ноги ребят. Он остановился, поднял обе ручки вверх, по его желтому морщинистому лицу бежали слезы. Мальчишки окружили Михаила. В руках у него, естественно, никакого нагана не было.

– Ну, Леня, ну стратег! – искренне говорил Михаил. – А они думали, что настоящие пацаны – это не сила! Сила, да еще какая!

Брат обнимал по очереди всех ребят, жал им руки.

– Вы не только меня и Серегу спасли. Вы этой швали показали, что настоящих людей гораздо больше. Им только надо иногда объединяться и показывать свою силу!

В это время к Михаилу подвели Гешу:

– С ним-то что делать? – спросил Леня.

– Пусть готовится к милиции, – сказал брат. – За холодное оружие дадут лет пять, не меньше.

Геша плакал натурально, размазывая маленькими ручонками слезы по щекам.

Михаил подумал и спросил:

– Как вы сказали: не надо вам скандалов в выпускном году? Давайте вот что сделаем. Пусть этот гаденыш на коленях просит у всех прощения!

Геша рухнул на колени и запричитал:

– За что я такой несчастный урод?! Это улица сделала меня таким...

Ребята его прервали, сказав:

– Говори по делу!

Чего они тут ни услышали! И Бога вспомнил вояка с ножом, и всем пожелал хорошей учебы, и так далее. Леня Корнилов не выдержал, поднял его с колен, встряхнул как следует и дал ему такого пенделя под зад, что тот буквально пролетел метра два. Но не упал, приземлился на свои кривые ножки и бросился наутек.

Пацаны смеялись до слез.

– Несколько дней вам придется ходить в школу и обратно всем вместе, – рассуждал Михаил. – Начинайте с того, кто живет ближе всего к школе. Заканчивай, Леня, Серегой. Я несколько дней постараюсь встречать вас, вместе дойдем до твоего дома...

– Я не боюсь их! – запальчиво бросил Корнилов. – И ножей их не боюсь!

– Верю, Леня. Ты самый настоящий спортсмен! Это тебе кандидат в мастера спорта говорит, искренне. Но у них – стая. Отбиться от них бывает невозможно. Поэтому давай немножко подстрахуемся, а?

– Хорошо. Только пусть и Серега пройдет с нами до моего дома. Вам же вдвоем-то спокойнее возвращаться!

На том и порешили.

Глава восьмая

История с трофейным наганом не получила огласки. Серега знал, что в тот же день брат выбросил оружие в сточный канал ТЭЦ, где такой поток, так вихрится вода, что может шкаф унести и спрятать на глубине реки навеки. Мауриха, умирающий поселочек с домами частного сектора, из которого в основном и были участники недавней разборки, затихла. Реально наган они видели, и это уже сила. Донести в милицию через стукачей и подставных шавок они, конечно, могли. Но как докажешь, что наган был? Школьники его не видели, а реальной банде, о которой милиция знала, вера была одна: через тюрьму.

В округе всех взбудоражило другое: бывший футболист Мишка Серов создал отряд спортсменов-мстителей. Это тебе уже не народная дружина: пойдешь туда, не знаю куда. Это реальная сила в борьбе со шпаной.

А все получилось как-то само собой. Целую неделю ходили мальчишки из Серегоного класса по улицам, провожая друг друга из школы. И создалось впечатление, что улицы стали патрулировать крепкие ребята: там только официальных перворазрядников было четверо. Ленья – боксер, Юрка-Рудольф имел первый разряд по волейболу, акробатикой по первому разряду занимались братья-близнецы Севка и Валька Даниловы. Да на лыжах около первого разряда ходило человек пять, не меньше. Все ребята высокие, жилистые, крепкие. Серега в упорных трудах получил значок «Турист СССР», но как тот котировался, он не знал. Остальные – компанейские ребята из кружков: авиаконструкторского, морского моделирования, радио и так далее.

Часто прямо ватагой они шли к дому Сереги, где их поджидал Михаил, его старший брат. Стояли, разговаривали, в основном о футболе, о том, как хорошо было тогда, когда Михаил был лучшим нападающим лучшей футбольной команды области – «Металлурга»...

В конце недели Михаил вдруг сказал им, что сейчас кое-что покажет. Они прошли сто метров до здания районной больницы, Миша свистнул – и в заборе открылась незаметная калитка. Возле нее стоял пожилой человек –наверное, сторож. Пошли дальше, ориентируясь на высоченную трубу. Многие из ребят поняли, что идут они к старой кочегарке. У дверей их встретил второй человек, уже молодой, в красивой куртке с капюшоном. Завел всю ватагу в помещение кочегарки, где было холодно и неуютно от остывших котлов. Включили дополнительное освещение.

Дав ребятам осмотреться, Миша произнес несвойственную его характеру длинную речь:

– Вот, исполком отдал нам это шикарное помещение для оборудования клубов по интересам. В основном, для создания спортсекций. А я бы вот что предложил: давайте создадим юношескую мореходную школу – ЮМШ! Живем, можно сказать, на второй по величине реке России, а многие не только не знают, что такое ялик, – плавать не умеют. Я уже поговорил с бывшими моряками: есть специалисты по азбуке Морзе, по моторам, по навигации аж трое, и, наконец, все хотят научиться ходить под парусом... Я понимаю, что у вас выпускной класс, многим сдавать экзамены дважды – и за школу, и в техникумы. Да и свои секции у многих, работаете вы как волы, по первому спортивному разряду. Но пройти по реке под парусом на собственном яле или мини-яхте, сделанными, к тому же, своими руками, – это дорогого стоит!

– Стоит! – заорали ребята, особенно те, кто занимался в прикладных кружках. – Можно с мореходкой Речфлота связаться. Они наши соседи, их по ошибке отнесли к соседней области. У них старья, неликвида – горы в сараях хранятся! Попросим в порядке шефской помощи. А на замену что-нибудь придумаем: концерты им будем давать раз в учебную четверть, приезжать к ним будем вместе с нашими девчонками...

– Это кто у нас такой умный и дальновидный? – спросил Михаил.

– Шишов Стас, по кличке Архимед, – ответило сразу несколько голосов. – Занимается в радиоклубе, между прочим. Свой радист будет. Ну-ка, дай, Стас, свой позывной!

– «У», «А», три «К», «Щ», «З»... Что означает: «Ульяна, Анна, Тройка, Константин, Щука, Зинаида. Кто меня слышит, прием, прием!» – Стаса распирали гордость, что и он пригнулся.

– Надо для всех одинаковую форму пошить!

– Попросим неликвид в мореходке, за копейки отдадут...

– Оборудование неплохо бы достать, одной теорией сыт не будешь!

Предложения сыпались со всех сторон. Михаил выждал паузу, сказал:

– Вот этот молодой человек, который встретил нас, работает старшим инженером на обувной фабрике. Предлагаю, чтобы вы подумали: можно избрать его временно капитаном-директором ЮМШ. Когда полностью укомплектуемся, создадим отделения – или еще как назовем, – то проведем полноценное голосование за все руководство, вплоть до старшин отделений. Как, согласны?

– А заместителем его давайте тоже временно назначим Стаса! – сказал Леня-боксер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.